Печальный кипарис

Автор:
Агата Кристи

Печальный кипарис

Агата Кристи

Агата Кристи. Любимая коллекцияЭркюль Пуаро #24

Все началось с того дня, когда пришло анонимное письмо. Это было только началом. А потом… Скончалась богатая пожилая дама. А вслед за этим была убита ее молоденькая воспитанница. Улики указывают на оставшуюся в живых единственную наследницу. И не только улики – обвиняемая сама сознается в преступлении. Но Эркюль Пуаро подозревает, что все не так просто…

Агата Кристи

Печальный кипарис

Посвящается Питеру и Пегги Маклауд

Смерть, скорей прилетай, прилетай —

Кипарисами гроб мой обвит!

Жизнь, скорей улетай, улетай —

Я красавицей гордой убит!

Плющом украсьте саван мой,

Посмертный мой венец!

Никто с любовью такой

Не встретит свой конец[1 - У. Шекспир «Двенадцатая ночь», пер. А. И. Кронеберга.].

Пролог

– Элинор Катарина Карлайл, вам предъявляется официальное обвинение в убийстве Мэри Джеррард двадцать седьмого июля прошлого года. Признаете ли вы себя виновной?

Элинор Карлайл стояла очень прямо, с гордо поднятой головой. Изящная головка с хорошо вылепленными чертами лица. Ярко-синие глаза, черные волосы. Брови выщипаны в едва заметные тонкие линии.

В помещении повисла тишина. Казалось, ее можно было пощупать руками.

Внезапно сэр Эдвин Балмер, ее защитник, почувствовал тревогу.

«Боже, неужели признается… Неужели она сломалась?» – подумал он.

Наконец губы Элинор Карлайл дрогнули.

– Не признаю, – произнесла она.

Защитник, откинувшись на спинку кресла, провел носовым платком по лбу, понимая, насколько близки они были к провалу.

Сэр Сэмюель Аттенбери был уже на ногах и представлял свое видение дела суду Короны[2 - Такой суд занимается уголовными делами, которые передаются из магистратских судов, включая тяжкие уголовные преступления (например, предумышленные и непредумышленные убийства, изнасилования, грабежи).].

– Ваша честь, уважаемые господа присяжные, позвольте напомнить вам, что Мэри Джеррард умерла двадцать седьмого июля в три часа пополудни в

Хантербери, что в Мэйденсфорде…

Его звучный голос звучал успокаивающе, он почти убаюкал Элинор. Та улавливала лишь отдельные фразы из этого простого и лаконичного повествования.

– …дело представляется простым и абсолютно понятным…

– …Обязанностью суда Короны… является определить мотив и способ…

– …Как видно из вышеизложенного, ни у кого, кроме обвиняемой, не было никаких причин убивать несчастную девушку Мэри Джеррард. Молодую, очаровательную – любимицу окружающих, – не имевшую, можно сказать, ни единого врага.

«Мэри, Мэри Джеррард! Каким далеким кажется теперь все случившееся… И каким нереальным…»

– …ваши усилия в основном будут направлены на выяснение следующих вопросов. Первое: какие возможности были у обвиняемой, чтобы использовать яд? И второе: какие у нее для этого были мотивы?

– Мой долг предоставить свидетелей, которые помогут вам принять правильное решение относительно вышеуказанных вопросов…

– …что касается отравления Мэри Джеррард, то я попытаюсь доказать вам, что ни у кого, за исключением обвиняемой, не было возможности совершить данное преступление…

Элинор казалось, что ее со всех сторон окружает плотная черная завеса. Отдельные слова как бы всплывали в этом тумане.

– …сэндвичи…

– …паштет с рыбой…

– …пустой дом…

Они пробивались сквозь мысли самой Элинор – как булавки сквозь толстую, поглощающую все звуки шаль.

Этот суд. Эти лица. Бесконечные ряды лиц! Среди них – лицо с пышными черными усами и проницательными глазами. Эркюль Пуаро, слегка склонив голову набок, задумчиво наблюдает за ней.

«Он пытается понять, почему именно я сделала это… Он пытается проникнуть в мои мысли, чтобы понять, что я думала и чувствовала… Чувствовала? Мимолетный шок… Лицо Родди – его милая, милая физиономия с длинноватым носом и чувственными губами… Родди! Всегда Родди – с того самого момента, как она себя помнит… с тех самых дней в Хантербери среди зарослей малины, возле муравейника и ручья. Родди – Родди – Родди…»

Другие лица! Сестра О’Брайен, со слегка приоткрытым ртом и с приподнятой головой, лицо покрыто веснушками. Сестра Хопкинс – чопорная и непримиримая. Лицо Питера Лорда – всегда такое доброе, понимающее, такое приносящее успокоение! Но сейчас оно выглядит – каким же оно выглядит сейчас – потерянным? Да – потерянным! На нем написано неприятие – неприятие всего происходящего. И это в то время, когда сама она – главная героиня происходящего – не имеет ничего против!

Она, спокойная и хладнокровная, сидит на скамье подсудимых, обвиняемая в убийстве. Она в суде.

Что-то произошло: плотная пелена тумана, окружавшая ее, истончилась – теперь это лишь легкая дымка. В суде!.. Эти люди…

Люди, подавшиеся вперед, с приоткрытыми ртами и полными любопытства глазами пристально рассматривают ее, Элинор, с жутким, омерзительным наслаждением, – внимательно прислушиваясь к тому ужасу, который этот высокий человек с еврейским носом неторопливо рассказывает о ней.

– Факты в этом деле чрезвычайно просты и не подлежат обсуждению. Я опишу их в нескольких словах. С самого начала…

«Начало… Когда же все это началось? – подумала Элинор. – В тот день, когда пришло это ужасное анонимное письмо! Это было началом всего…»

Часть I

Глава 1

I

Анонимное письмо!

Элинор Карлайл рассматривала бумагу, которую держала в руках. Раньше ничего подобного она не получала. Впечатление было не из приятных. Плохо написанное, на дешевой бумаге, со множеством орфографических ошибок.

Хочу вас придупридить (говорилось в письме)

Я не называю никаких имен, но есть особа, которая обхаживает вашу тетушку и если вы не будити осторожной, то останитись нисчем. Девушки бывают хитрющими а старые леди тают, когда их обхаживаю и льстят им так что я хочу сказать вам лутше самой убидиться в том, что происходит – негоже вам и молодому жентльмену терять то, что вам принадлежит, а она очень хитрая и старая леди может в любой момент отдать концы.

Доброжелатель.

Элинор все еще рассматривала это послание, неприязненно сдвинув выщипанные брови, когда дверь распахнулась.

– Мистер Уэлман, – сообщила горничная, и в комнату вошел Родди.

Родди! Как и всегда, когда она видела Родди, Элинор ощутила легкое головокружение, приступ неожиданного физического удовольствия – эти чувства были посланы ей свыше и поэтому теперь воспринимались ею обыденно и без лишних эмоций. Потому что ей было абсолютно очевидно, что Родди, хотя он и любил ее, относился к ней совсем не так, как она к нему. Когда Элинор увидела его впервые, с ней что-то произошло – сердце сжалось так сильно, что ей стало почти больно. Смешно, что мужчина – обычный, да, ничем не примечательный молодой мужчина – может производить на кого-то подобное впечатление! Что от одного его вида мир вокруг начинает кружиться, а звуки его голоса вызывают желание – едва заметное – расплакаться… Вообще-то, любовь должна доставлять удовольствие, а не ранить своей глубиной…

Одно совершенно ясно: надо быть очень и очень осторожной, чтобы ненароком не выдать себя. Мужчины не любят преданности и обожания. Уж Родди-то точно.

Поэтому она беспечно поздоровалась:

– Привет, Родди.

– Привет, милая, – ответил Родди. – У тебя мрачный вид. Это что – счет?

Элинор покачала головой.

– Мне так показалось, – продолжил он. – Знаешь – середина лета, эльфы танцуют свои танцы, а счета требуют оплаты…

– Все гораздо хуже, – ответила Элинор. – Это анонимное письмо.

У Родди глаза полезли на лоб. Его подвижное лицо окаменело, и с него исчезло обычное насмешливое выражение.

– Нет! – резко произнес он; голос его был полон отвращения.

– Оно довольно неприятное. – Элинор сделала шаг к своему столу. – Наверное, мне лучше порвать его.

И она вполне могла это сделать – то есть почти сделала это, потому что трудно было представить себе нечто более несовместимое, чем Родди и анонимные письма. Она могла бы выбросить его и больше не вспоминать о нем. И он ее не остановил бы. Потому что его щепетильность во много раз превосходила его любопытство.

Но, повинуясь какому-то непреодолимому порыву, Элинор решила по-другому.

– Хотя, может быть, тебе лучше сначала прочесть его, – сказала она. – А потом мы его сожжем. Оно касается тетушки Лоры.

Родди удивленно поднял брови.

– Тетушки Лоры?

Он взял письмо, прочитал его и вернул. Теперь отвращение проявилось и в его лице.

– Да, – согласился Родди, – его точно нужно сжечь. До чего только не доходят люди!

– Как ты думаешь, это кто-то из слуг? – спросила Элинор.

– Наверное… – Родди помолчал. – Интересно, кто… кого они здесь имеют в виду?

– Полагаю, Мэри Джеррард, – задумчиво произнесла Элинор.

Он нахмурился, пытаясь вспомнить.

– Мэри Джеррард? А кто это?

– Дочь привратника. Может быть, ты помнишь ее еще ребенком? Тетушка Лора всегда испытывала к ней нежные чувства и принимала в ней участие. Она оплатила ее обучение в школе и кое-что еще – уроки игры на фортепиано, французского и так далее.

– А, ну да, теперь вспомнил: костлявый ребенок – сплошные ноги, руки и копна белокурых волос…

Элинор согласно кивнула.

– Ты, наверное, не видел ее с тех летних каникул, когда Ма и Па были за границей. Ты же не так часто, как я, приезжал в Хантербери, а последнее время она была au pair[3 - Девушка-иностранка, живущая в семье с целью изучения языка (в качестве оплаты выполняет легкую работу по дому или присматривает за детьми).] в Германии, но, будучи детьми, мы, бывало, шумно играли вместе.

– И как она сейчас выглядит? – спросил Робби.

– Она превратилась в очень хорошенькую девушку, – ответила Элинор. – Благородные манеры и все такое. Благодаря ее образованию ты ни за что не подумаешь, что она – дочь старика Джеррарда.

– Что, превратилась в настоящую леди?

– Да. И, мне кажется, из-за этого чувствует себя в сторожке не совсем уютно. Ты же знаешь, что миссис Джеррард умерла несколько лет назад, а Мэри и ее отец не очень-то ладят друг с другом. Он вечно издевается над ее образованием и «утонченностью»…

– Люди иногда даже представить себе не могут, какой вред может в некоторых случаях нанести «образование». – В голосе Робби послышалось раздражение. – Очень часто вместо добра оно приносит зло!

– Насколько я понимаю, – продолжила свой рассказ Элинор, – Мэри много времени проводит в доме у тети. Я знаю, что после того, как с тетушкой Лорой приключился удар, она читает ей вслух.

– А почему этим не занимается сестра? – поинтересовался Родди.

Элинор улыбнулась.

– У сестры О’Брайен ирландский акцент, который слышен за километр. Не удивительно, что тетушка Лора отдает предпочтение Мэри.

Пару минут Родди нервно мерял комнату шагами.

– Знаешь, Элинор, мне кажется, нам пора посетить тетю, – сказал он наконец.

– Из-за этого?.. – В голосе Элинор слышалось отвращение.

– Нет, нет. Совсем не из-за этого. Хотя, черт побери, надо быть честным перед самим собой – ДА! Несмотря на всю мерзость этого письма, возможно, в нем есть доля правды. Я хочу сказать, что старушка очень больна…

– Да, Родди.

Он взглянул на нее со своей очаровательной улыбкой – как бы заранее признавая несовершенство человечества и смиряясь с ним – и закончил:

– А деньги действительно важны, Элинор, – и для тебя, и для меня.

Она быстро согласилась с этим.

– Конечно, важны.

– И не считай меня корыстным. – Родди говорил на полном серьезе. – Но, в конце концов, тетушка Лора сама бесчисленное количество раз повторяла, что мы – ее семья. Ты ее единственная племянница – дочь ее брата, а я племянник ее супруга. Она всегда давала нам понять, что после ее смерти все, что у нее есть, достанется одному из нас или, что более вероятно, нам обоим. И, должен сказать, сумма совсем не маленькая.

– Да, – задумчиво произнесла Элинор, – наверное.

– Содержание Хантербери требует денег. – Родди помолчал. – Наверное, дядя Генри был, как говорится, довольно состоятельным человеком, когда встретил твою тетю Лору. Но и она получила свои деньги по наследству. Они с твоим отцом должны были заиметь очень приличные суммы. Жаль, что твой отец

пустился в спекуляции и потерял бо?льшую часть своего состояния…

– Бедный папа никогда не был бизнесменом, – со вздохом заметила Элинор. – Перед смертью все это его очень угнетало.

– Ну да, твоя тетушка Лора оказалась гораздо умнее. Она вышла замуж за дядю Генри, и они купили Хантербери, а не так давно она сказала мне, что всегда была успешной в своих инвестициях. Не потеряла практически ни на чем.

– Дядя Генри оставил ей все, не так ли?

Родди кивнул.

– Большая трагедия, что он умер так рано. А она никогда больше не вышла замуж. Навеки осталась ему верна. И к нам всегда относилась прекрасно. Со мной обращалась так, будто я ее племянник по крови. И когда я во что-то влипал, она меня вытаскивала. К счастью, это случалось не слишком часто.

– Ко мне она тоже всегда была очень щедра, – заметила Элинор с благодарностью.

Родди вновь кивнул.

– Тетушка Лора – молодчина, – сказал он. – Но знаешь, Элинор, может быть, сами того не осознавая, мы ведем довольно расточительный образ жизни, особенно принимая во внимание наши реальные доходы.

– Наверное, ты прав, – печально согласилась с ним Элинор. – Но вокруг все так дорого – одежда, косметика… Даже такая ерунда, как билеты в кино, коктейли и… граммофонные пластинки!

– Дорогая, – сказал молодой человек, – но ведь ты же у нас создана для роскоши. А не для того, чтобы прясть пряжу дни напролет…

– А как ты думаешь, Родди, мне стоит поискать работу?

Он покачал головой.

– Ты мне нравишься такая, какая есть, – утонченная, отстраненная и ироничная. Мне бы не хотелось, чтобы ты становилась серьезной. Я только хочу сказать, что, если б не тетушка Лора, тебе действительно пришлось бы работать на какой-нибудь скучной работе. То же самое можно сказать и про меня. Какая-то работа у меня есть. «Льюис и Хьюм» не требуют от меня сверхусилий. И меня это устраивает. Наличие такой работы позволяет мне сохранить чувство самоуважения, но будущее – заметь – не слишком волнует меня именно из-за моих ожиданий относительно тетушки Лоры.

– Послушать тебя, так мы похожи на каких-то пиявок, – заметила Элинор.

– Глупости! Нам дали понять, что в один прекрасный день у нас будут деньги, вот и всё. Естественно, что этот факт влияет на наше поведение.

Элинор задумалась.

– А тетушка Лора никогда не говорила, что она написала в завещании?

– Да это и не важно! – заявил Родди. – Скорее всего, она все разделила поровну. Но даже если это не так – если она оставила бо?льшую часть или даже все состояние тебе как ее кровной родственнице, – что ж, дорогая, я и в этом случае ничего не потеряю, потому что собираюсь на тебе жениться. А если старушка посчитает, что бо?льшая часть должна принадлежать мне, как представителю мужской половины семьи Уэлман, то тоже ничего, потому что ты выйдешь за меня замуж.

Тут Родди с любовью улыбнулся ей.

– Счастье, что мы любим друг друга, – продолжил он. – Ведь ты любишь меня? Да, Элинор?

– Да. – Ее ответ прозвучал холодно и почти чопорно.

– ДА! – передразнил ее Родди. – Ты просто восхитительна. Эти твои отчужденность и неприступность – настоящая la Princesse Lointaine[4 - Принцесса Греза, в значении «недостижимая принцесса».]. Наверное, именно из-за этих качеств я тебя и полюбил.

– Неужели? – Элинор едва не задохнулась.

– Точно. – Робби нахмурился. – Некоторые женщины – они такие… черт, ну я не знаю… такие собственницы, такие… верные, как собаки, что их эмоции так и прут через край. Я это ненавижу. А с тобой никогда не знаю – никогда не уверен, в какой момент ты превратишься в холодную и отчужденную особу и скажешь, что передумала, – совершенно хладнокровно, даже не моргнув глазом! Ты – удивительное существо, Элинор. Как произведение искусства – вся такая… такая… законченная! Знаешь, – продолжил он, – мне кажется, что у нас будет прекрасная семья. Мы оба любим друг друга, но не слишком сильно. Мы хорошие друзья. У нас много общих интересов. Мы знаем друг друга от и до. У нас есть все преимущества родства, и при этом мы не являемся кровными родственниками. И я никогда не устану от тебя, потому что в тебе столько недосказанного… Хотя ты от меня вполне можешь устать. Я ведь парень совершенно обычный…

– Я не устану от тебя, Родди. Никогда. – Элинор покачала головой.

– Милая моя!.. – Он поцеловал ее. – Думаю, тетушка Лора прекрасно знает о наших с тобой отношениях, хотя мы еще не приезжали к ней после того, как обо всем договорились. Наверное, это повод заглянуть к ней?

– Да. Как раз накануне я думала…

– Что мы не бываем там так часто, как могли бы, – закончил за нее Родди. – Я об этом тоже думал. Когда у нее случился удар, мы посещали ее чуть ли не каждый уик-энд. А сейчас с нашего последнего визита прошло уже почти два месяца…

– Но ведь мы сразу же приехали бы, если б она нас позвала, – заметила Элинор.

– Ну конечно. И мы знаем, что ей нравится сестра О’Брайен и что за ней хорошо ухаживают. Но все равно мы немного распустились. И сейчас я имею в виду вовсе не деньги, а нормальные человеческие отношения.

– Я знаю. – Элинор кивнула.

– Так что это омерзительное письмо в конечном счете принесло нам какую-то пользу. Мы навестим тетю, чтобы защитить наши интересы и потому что мы любим старушку!

Робби чиркнул спичкой и поджег письмо, которое взял из рук Элинор.

– Интересно, кто же его все-таки написал, – сказал он. – И не потому, что это имеет какое-то значение… Это должен быть кто-то, кто «за нас», как мы говорили в детстве. И, возможно, это предупреждение совсем не лишнее. Мать Джима Партингтона отправилась на Ривьеру, там ее пользовал симпатичный молодой итальянский доктор, она влюбилась в него до чертиков и оставила ему все до последнего пенни. Джим с сестрой попытались опротестовать завещание, но не смогли.

– Тетушке Лоре нравится новый доктор, к которому перешла практика доктора Рэнсома, – сказала Элинор, – но не до такой же степени. И в любом случае в этом ужасном письме речь идет о девушке. Скорее всего, это Мэри.

– Съездим и посмотрим сами, – заключил Родди.

II

Сестра О’Брайен прошелестела из спальни миссис Уэлман в ванную комнату.

– Поставлю чайник, – сообщила она через плечо. – Уверена, сестра, что вы не откажетесь от чашечки чая на дорожку.

– От чая я никогда не отказываюсь, – с удовольствием заметила сестра Хопкинс. – Всегда говорила, дорогая, что нет в жизни ничего лучше чашки крепкого чая!

Наполняя чайник водой и зажигая газ, сестра О’Брайен продолжала говорить:

– У меня в этом шкафчике есть все необходимое – заварной чайник, чашки и сахар, а Эдна дважды в день приносит мне свежее молоко. Так что мне не приходится вечно звонить в звонок. Отличная газовая горелка – чайник закипает, не успеешь и глазом моргнуть.

Сестра О’Брайен была высокой рыжеволосой женщиной лет тридцати, со сверкающими белоснежными зубами, веснушчатым лицом и обаятельной улыбкой. Ее жизнерадостность и жизнелюбие делали ее любимицей пациентов. Сестра Хопкинс, участковая медсестра средних лет, которая появлялась каждое утро, чтобы помочь с туалетом старой леди и с уборкой в спальне, выглядела вполне по-домашнему. При этом у нее были быстрые и точные движения профессионала.

– В этом доме все очень хорошо продумано, – одобрительно заметила она.

В ответ сестра О’Брайен согласно кивнула:

– Да, иногда он кажется немного старомодным – нет центрального отопления, – но зато масса каминов, и все горничные очень услужливые – миссис Бишоп хорошо за ними приглядывает.

– Эти современные девицы, – сказала сестра Хопкинс, – они выводят меня из себя. Большинство из них не знают, чего хотят в этой жизни, и не в состоянии выполнить элементарную домашнюю работу.

– Мэри Джеррард – девушка хорошая, – заметила сестра О’Брайен. – Не представляю, что бы миссис Уэлман без нее делала. Вы заметили, как она теперь ее требует? Ну что ж, девица мила и, я бы сказала, смогла приспособиться к хозяйке.

– А мне Мэри жаль. Этот ее старик-отец делает все, чтобы испортить ей жизнь.

– Доброго слова не найдет, старый сквалыга, – согласилась О’Брайен. – А вот и чайник запел… Заварю, как только вода закипит.

Она приготовила и разлила по чашкам горячий и крепкий чай. Сестры устроились в комнате сестры О’Брайен, расположенной рядом со спальней миссис Уэлман.

– Приезжают мистер Уэлман и мисс Карлайл, – сообщила сестра О’Брайен. – Сегодня утром прислали телеграмму.

– Ах, вот в чем дело, моя дорогая, – сказала сестра Хопкинс. – То-то я смотрю, что старая леди чем-то взволнована… Они ведь уже давно не были, не так ли?

– Наверное, больше двух месяцев. Мистер Уэлман – такой приятный молодой джентльмен… Но очень надменный.

– Пару дней назад я видела ее фото в «Татлере»[5 - «Татлер» – гламурный журнал о моде и светской жизни, основанный в Британии в 1901 г.], – сменила тему сестра Хопкинс. – Они с подругой в Ньюмаркете…[6 - Ньюмаркет – рыночный город в Саффолке, в 105 км к северу от Лондона; приобрел известность благодаря скачкам, проводящимся здесь же, на одноименном ипподроме.]

– Она – известный персонаж светской хроники, – согласилась сестра О’Брайен. – И всегда так хорошо одета… Вы считаете ее красивой, сестра?

– Трудно сказать, как выглядит девушка в действительности под этим слоем косметики. На мой вкус, так она и в подметки не годится Мэри Джеррард.

Сестра О’Брайен сжала губы и склонила голову набок.

– Может быть, вы и правы. Но Мэри не хватает стиля.

– Внешность – это не самое главное, – заметила сестра Хопкинс менторским тоном.

– Еще чашечку, сестра?

– Спасибо, сестра, не откажусь.

Взяв в руки чашки, над которыми поднимался пар, они слегка придвинулись друг к другу.

– Нынче ночью произошел странный случай, – начала сестра О’Брайен. – Как и всегда, в два часа ночи я зашла в спальню, чтобы устроить хозяйку поудобнее, и увидела, что она еще не спит. Но при этом, должно быть, видела какой-то сон наяву, потому что когда я вошла в комнату, то услышала: «Фотография. Мне

нужна фотография».

Я сказала ей: «Ну конечно, миссис Уэлман, но, может быть, стоит подождать утра?» На это она ответила: «Нет, я хочу видеть ее сейчас». «Ну и где эта фотография? – спросила я. – Вы ведь говорите о фото мистера Родерика?» – «Родерика? – переспросила миссис Уэлман. – Нет, Льюиса». А потом попыталась сесть. Я подошла и приподняла ее; она достала ключи из той маленькой коробочки, которая стоит возле ее кровати, и велела мне открыть второй ящик высокого комода, где, как ей и полагалось, лежала большая фотография в серебряной рамке.

Это было фото такого симпатичного молодого человека… А в углу было написано «Льюис». Конечно, фото было старинное, сделанное много лет назад. Я принесла его ей, и она долго смотрела на него. А потом пробормотала только: «Льюис, Льюис…» Вздохнула и отдала фото мне, велев убрать его назад в ящик. А когда я повернулась к ней – вы не поверите, – она уже спала, как младенец.

– Вы думаете, это был ее муж? – уточнила сестра Хопкинс.

– Конечно, нет! – ответила сестра О’Брайен. – Утром я этак небрежно поинтересовалась у миссис Бишоп, как звали усопшего мистера Уэлмана, и она сказала, что его имя – Генри.

Женщины обменялись взглядами. У сестры Хопкинс был длинный нос, кончик которого слегка дрогнул от предвкушения.

– Льюис… Льюис… Интересно, – задумчиво произнесла она. – Не помню, чтобы слышала это имя в этих местах.

– Но ведь все происходило много лет назад, – напомнила ей О’Брайен.

– Конечно, это понятно. А я здесь всего пару лет. Мне вот что интересно…

– Очень симпатичный мужчина, – повторила сестра О’Брайен. – Похож на офицера-кавалериста.

Сестра Хопкинс сделала глоток.

– Очень интересно, – сказала она.

– Может быть, они любили друг друга с детства, а жестокий отец разлучил их… – В голосе сестры О’Брайен прозвучали романтические нотки.

– А может быть, его убили на войне… – предположила сестра Хопкинс с глубоким вздохом.

III

Когда сестра Хопкинс, приятно возбужденная чаем и романтическими рассуждениями, уже собралась было уходить, ее перехватила Мэри Джеррард.

– Сестра, можно я провожу вас до деревни?

– Конечно, Мэри, дорогая.

– Я должна поговорить с вами, – сказала запыхавшаяся девушка. – Меня все так беспокоит…

Пожилая женщина окинула ее дружелюбным взглядом.

В двадцать один год Мэри была очаровательным существом, чем-то неуловимо похожим на дикую розу: длинная изящная шея, светло-золотистые волосы, естественными волнами обрамляющие изящную головку, и глаза глубокого синего цвета.

– В чем дело? – поинтересовалась сестра Хопкинс.

– Все дело в том, что время уходит, а я так ничего и не делаю!

– Еще успеете потрудиться, – сухо заметила сестра Хопкинс.

– Возможно, но все это так меня тревожит… Миссис Уэлман была чрезвычайно добра и дала мне дорогое образование. А теперь я чувствую, что мне пора самой начинать зарабатывать на жизнь. Мне надо учиться какой-то профессии.

Сестра Хопкинс сочувственно кивнула.

– Если я этого не сделаю, то все окажется впустую. Я попыталась объяснить то, что чувствую, миссис Уэлман, но – как это все сложно! – кажется, она меня не понимает. Все время повторяет, что у меня масса времени.

– Не забывайте, что она больна, – заметила сестра Хопкинс.

Мэри покраснела от стыда.

– Знаю. Наверное, мне вообще не стоит ее беспокоить. Но меня это тревожит, да и отец ведет себя так мерзко! Постоянно издевается, что я стала светской дамой… Но главное – я сама не хочу сидеть без дела!

– Я это знаю.

– Вся проблема в том, что обучение профессии – это штука в большинстве случаев недешевая. Сейчас я хорошо знаю немецкий и могла бы как-то это использовать. Но мне кажется, что в действительности я хочу стать медицинской сестрой. Мне нравится ухаживать за больными.

– Не забывайте, что для этого надо быть сильной, как ломовая лошадь. – В словах сестры Хопкинс не было и намека на романтизм.

– А я сильная! И мне правда нравится ухаживать за больными. Сестра мамы, та, что в Новой Зеландии, была медсестрой. Понимаете, мне кажется, что это у меня в крови.

– А что насчет массажа? – предложила сестра Хопкинс. – Или, может быть, «Норленд»?[7 - Имеется в виду колледж «Норленд Нэнниз», расположенный в английском городе Бат. Колледж был основан в 1892 г. Э. Уорд; является ведущим образовательным учреждением по подготовке VIP-персонала для ухода за ребенком.] Вы же любите детей. А массаж тоже может принести неплохие деньги.

– Но такая подготовка дорого стоит, нет? – В голосе Мэри слышалось сомнение. – Я надеялась… хотя с моей стороны это, наверное, звучит по-свински… она и так

очень много сделала для меня…

– Вы сейчас о миссис Уэлман? Глупости. На мой взгляд, это ее долг. Она ведь дала вам роскошное, но практически бесполезное образование. А учить вам не хочется?

– У меня на это мозгов не хватит.

– Мозги мозгам рознь, – заметила сестра Хопкинс. – Если хотите моего совета, Мэри, то сейчас вам надо успокоиться. По-моему, как я уже сказала, миссис Уэлман должна помочь вам научиться зарабатывать на жизнь. И я не сомневаюсь, что она хочет это сделать. Но все дело в том, что она к вам очень привязана и не хочет вас потерять.

– Вот как! – Мэри открыла рот от удивления. – Вы действительно так думаете?

– Я в этом ни минуты не сомневаюсь. Бедняжка сейчас практически беспомощна. Одна сторона у нее парализована, и никто или ничто ее не радует. Для нее очень важно иметь рядом с собой такое хорошенькое юное личико, как ваше. Вы умеете прекрасно держаться в комнате больного.

– Если вы действительно так думаете… – негромко сказала Мэри, – то это меняет дело. Милая, милая миссис Уэлман, я так ее люблю! Она всегда была так добра ко мне… Для нее я готова на все!

– Самое лучшее, что вы можете сейчас сделать, – сухо заметила сестра Хопкинс, – это остаться с ней и прекратить дергаться. Все это ненадолго.

– Вы хотите сказать… – Глаза девушки расширились от ужаса.

Районная сестра кивнула.

– Миссис Уэлман – настоящий боец, но долго она не протянет. Будет второй удар, а за ним и третий. Мне это все слишком знакомо. Так что наберитесь терпения, дорогая. Если вы сможете скрасить последние дни старой леди, то сделаете гораздо больше, чем многие другие. А потом у вас будет время на все остальное.

– Вы очень добры, – сказала Мэри.

– А вот и ваш отец появился из сторожки – и, кажется, день у него сегодня не задался…

Они как раз подходили к большим железным воротам. На крыльце сторожки старик со скрюченной спиной с великими мучениями пытался спуститься на две ступеньки.

– Доброе утро, мистер Джеррард, – весело поздоровалась с ним сестра Хопкинс.

– Черт! – раздраженно бросил ей в ответ Эфраим Джеррард.

– Прекрасная сегодня погода, – не сдавалась сестра.

– Для вас – может быть, – сварливо ответил старый Джеррард. – Но точно не для меня. Это чертово люмбаго меня убивает.

– Это все потому, что прошлая неделя была сырой, – объяснила сестра Хопкинс все с тем же оптимизмом. – А нынешняя сухая погода очень скоро вас вылечит.

Ее профессиональная жизнерадостность, казалось, раздражала старика.

– Эх, сестры, сестры… все вы одинаковы, – сказал он с неприятной интонацией. – Проблемы других людей вас только радуют. Вам на них наплевать! А тут еще Мэри все время говорит о том, что хочет стать медсестрой. А я-то думал, что она мечтает о чем-то большем – со всеми ее французскими, немецкими, роялями и прочим, чему она научилась в школе и за границей…

– Я буду вполне довольна, если стану медсестрой в больнице, – резко прервала его Мэри.

– Ну да, а еще больше ты будешь довольна, если тебе вообще ничего не придется делать, да? Будешь просто выпендриваться с этими своими манерами, фиоритурами и видом великосветской бездельницы. Тебе бы только лениться, девочка моя!

На глаза Мэри навернулись слезы, и она запротестовала:

– Это неправда, папа. Ты не имеешь права так говорить!

Сестра Хопкинс решительно вмешалась, стараясь перевести все в шутку:

– Что-то мы сегодня не совпали с погодой… Вы же совсем не это хотели сказать, Джеррард. Мэри – хорошая девочка и хорошая дочь.

На лице Джеррарда, когда он взглянул на дочь, читалась практически ничем не прикрытая враждебность.

– Она мне теперь не дочь – с этим ее французским, историей и жеманными манерами. Тьфу!

Повернувшись, он исчез в сторожке.

– Вот видите, сестра, как все это сложно, правда? – сказала Мэри со слезами на глазах. – Он не слушает никаких доводов. И никогда не любил меня, даже когда я была маленькой девочкой. Ма вечно меня от него защищала.

– Ну ладно, ладно, не расстраивайтесь, – мягко успокоила ее сестра Хопкинс. – Эти испытания посланы нам Всевышним… Боже, мне уже пора! Ну и утречко…

Провожая взглядом ее быстро удаляющуюся фигуру, Мэри Джеррард с грустью размышляла о том, что в мире нет людей, которые могли бы действительно чем-то ей помочь. Вот и сестра Хопкинс, при всей ее доброте, может произнести лишь обычный набор банальностей, выдавая их за что-то новенькое…

«Что же мне делать?» – горько подумала девушка.

Глава 2

I

Миссис Уэлман лежала на аккуратно взбитых подушках; дыхание у нее было немного затрудненное. Она не спала. Ее глаза – все еще яркого синего цвета, как и у ее племянницы Элинор, – смотрели в потолок. Миссис Уэлман была крупной, тучной женщиной с приятным, напоминающим орлиный профилем. Ее лицо было полно гордости и решимости.

Глаза опустились и остановились на фигуре, сидевшей у окна. Взгляд стал нежным и немного тоскливым.

– Мэри… – позвала она наконец.

Девушка быстро обернулась.

– А, вы проснулись, миссис Уэлман…

– Я уже давно не сплю, – ответила Лора Уэлман.

– Ой, а я не заметила! Мне надо было бы…

– Нет-нет, всё в порядке, – прервала ее хозяйка. – Я думала… о многом.

– И о чем же, миссис Уэлман?

От этого полного сочувствия взгляда и заинтересованного голоса лицо старой женщины стало мягче.

– Я тебя так люблю, – с нежностью произнесла она. – Ты так ко мне добра…

– Ну что вы, миссис Уэлман, это вы добры ко мне… Если б не вы, я не знаю, где была бы сейчас! Вы для меня так много сделали…

– Не знаю… Не знаю… Я уверена… – Больная неловко пошевелилась – ее правая рука согнулась, а левая осталась неподвижной и безжизненной. – Всегда хочется поступить как можно лучше, но так трудно понять, что значит это

«лучше»… Я всегда была слишком самоуверенна…

– О нет, – прервала ее Мэри. – Я уверена, вы всегда знали, что надо делать.

Лора Уэлман покачала головой.

– Нет, нет… И это меня беспокоит. Мой вечный грех, Мэри, – это моя гордыня. А гордыня – порождение дьявола. И она всегда присутствовала в нашей семье. У Элинор ее тоже достаточно.

– Здорово, что мисс Элинор и мистер Родерик приезжают, – быстро сказала Мэри. – Это вас как-то развеселит. Они уже давно здесь не были…

– Они хорошие дети – очень хорошие, – негромко сказала миссис Уэлман. – И оба любят меня. Я знаю, что стоит мне только позвать их, и они тут же явятся. Но не хочу злоупотреблять этим. Они молоды и счастливы – у них еще все впереди. И не стоит раньше времени вводить их в мир упадка и страданий.

– Уверена, что они так не думают, – возразила Мэри.

Миссис Уэлман продолжила – казалось, что она говорит сама с собой, а не с девушкой:

– Я всегда надеялась на то, что они поженятся. Но старалась не начинать подобные разговоры. Молодые люди так противоречивы… Они наверняка поступили бы наоборот. Но эта идея пришла мне в голову уже много лет назад, когда я увидела, что сердце Элинор отдано Родди. Правда, я вовсе не была уверена в нем. Он такой забавный… Генри был таким же… очень скрытным и привередливым. Да, Генри…

Женщина замолчала на несколько мгновений, вспомнив своего умершего мужа.

– Так давно… Так невероятно давно… – пробормотала она. – Он умер, когда мы прожили в браке всего пять лет. Двустороннее воспаление легких… Мы были счастливы – очень счастливы; сейчас это счастье иногда кажется мне чем-то нереальным. Я была странной, витающей в облаках девицей – голова у меня была забита всякими идеями и мечтами о герое. Настоящего для меня не…

– Вы, наверное, были очень одиноки – потом… – чуть слышно заметила Мэри.

– Потом? О да, очень одинока. Тогда мне было двадцать шесть – а теперь уже за шестьдесят. Долгая жизнь, моя дорогая, долгая, долгая жизнь… А теперь еще это! – неожиданно резко добавила она.

– Вы про свою болезнь?

– Ну да. Я всегда боялась удара. Все это так унизительно… Когда тебя моют и ухаживают за тобой, как за младенцем, а ты не можешь сделать ничего самостоятельно! Меня это сводит с ума. У сестры О’Брайен добрая душа – что есть, то есть. Она не возражает, когда я спускаю на нее всех собак, и умнее многих. Но когда ты рядом, Мэри, это совсем другое дело.

– Правда? – Девушка покраснела. – Я… я очень рада, миссис Уэлман.

– Но последнее время ты волнуешься, правда? – проницательно заметила хозяйка. – Волнуешься по поводу своего будущего… Оставь все это мне, дорогая. Я прослежу, чтобы у тебя было достаточно средств, чтобы стать независимой и овладеть профессией. Но надо немного подождать – для меня твое присутствие здесь слишком много значит.

– Ну конечно, миссис Уэлман, конечно! Я ни за что на свете вас не оставлю. Если вы хотите…

– Хочу. – Голос женщины стал неожиданно глубоким и густым. – Ты… ты для меня как дочь, Мэри. Я же видела, как ты растешь здесь, в Хантербери, начиная с того времени, когда ты была еще ползунком. Видела, как ты превращаешься в красивую девушку… Я горжусь тобой, дитя мое. Мне остается только надеяться, что все, что я для тебя сделала, пойдет только на пользу.

– Если вы думаете, – быстро прервала ее Мэри, – что ваша доброта и то образование, которое не соответствует моему положению и которое вы мне дали… если вы думаете, что я им недовольна или что оно превратило меня, как говорит мой отец, в даму из высшего общества, то это совершенно не так. Я просто очень сильно вам благодарна, вот и всё. А то, что я хочу как можно скорее начать зарабатывать себе на жизнь, так это потому, что чувствую, что после всего, что вы для меня сделали, должна работать, а не бить баклуши. Я…

я не хочу, чтобы люди думали, что я присосалась к вам, как пиявка.

Лора Уэлман ответила неожиданно резким голосом:

– Так вот что вбивает тебе в голову Джеррард… Не обращай внимания на своего отца, Мэри; никому и никогда не придет в голову сравнивать тебя с пиявкой! И я прошу тебя остаться со мной лишь потому, что это необходимо лично мне. Скоро все закончится… Вообще, если б у них была хоть капля мозгов, то моя жизнь уже закончилась бы – и не было бы никакой волокиты с сестрами и врачами…

– Ну нет, миссис Уэлман. Доктор Лорд говорит, что вы можете жить еще долгие годы.

– Благодарю покорно, но меня это не интересует! Я тут как-то сказала ему, что в любой цивилизованной стране было бы вполне достаточно, чтобы я выразила свое пожелание умереть, и он безболезненно прикончил бы меня каким-нибудь милым лекарством. «И если б у вас была хоть капля смелости, доктор, – сказала я, – вы сделали бы это прямо сейчас!»

– Боже, – воскликнула Мэри. – И что он вам ответил?

– Этот грубый молодой человек ухмыльнулся, моя дорогая, и сказал, что не хочет рисковать быть повешенным. «Вот если б вы оставили мне все ваши деньги, миссис Уэлман, тогда я обязательно подумал бы над этим…» Дерзкий молодой нахал! Но он мне нравится. Его посещения дают мне больше, чем его лекарства.

– Да, он очень милый. Сестре О’Брайен он очень нравится, и сестре Хопкинс тоже.

– Хопкинс… в ее возрасте пора бы поумнеть, – заметила миссис Уэлман. – А что касается О’Брайен, то она лишь глупо улыбается и повторяет: «О, доктор!», а еще отбрасывает назад эти свои длинные космы, когда он к ней подходит.

– Бедная сестра О’Брайен!

– Она вовсе не так плоха, правда, – снисходительно добавила миссис Уэлман, – но сестры здорово меня раздражают. Вечно они думают, что в пять часов утра

вам просто необходимо выпить «чашечку чая»! – Она помолчала. – Что это? Кажется, подъехала машина?

Мэри выглянула в окно.

– Да, машина. Приехали мисс Элинор и мистер Родерик.

II

– Я очень рада за вас с Родди, Элинор, – сказала миссис Уэлман своей племяннице.

Та улыбнулась ей в ответ.

– Я так и думала, тетя Лора.

Мгновение поколебавшись, пожилая женщина спросила:

– А ты… ты его любишь, Элинор?

Изящные брови девушки поползли вверх.

– Конечно.

– Прости меня, дорогая, – быстро добавила миссис Уэлман. – Знаешь, ты такая скрытная… Очень сложно понять, что ты думаешь или чувствуешь. Когда вы оба были гораздо моложе, мне показалось, что ты любишь Родди… слишком сильно.

И опять Элинор подняла свои изящные брови.

– Слишком сильно?

Пожилая женщина кивнула.

– Да. А любить очень сильно – глупо. С некоторыми молодыми девушками такое случается… Я была рада, когда ты уехала в Германию, чтобы закончить образование. А потом, когда вернулась, мне показалось, что ты к нему абсолютно равнодушна. Я тогда очень сильно расстроилась. Я ведь нудная старуха, которую так трудно удовлетворить! Но я всегда подозревала, что ты человек очень сильно чувствующий – это свойственно членам нашей семьи. Люди, обладающие подобным темпераментом, не всегда бывают счастливы… Но, как я уже сказала, из Германии ты вернулась настолько безразличной по отношению к Родди, что я расстроилась, поскольку всегда надеялась, что вы будете вместе… И вот теперь вы действительно вместе, и все прекрасно! А ты действительно любишь его?

– Достаточно, и при этом не слишком сильно, – рассудительно ответила Элинор.

Миссис Уэлман одобрительно кивнула.

– Тогда, я думаю, вы будете счастливы. Родди нужна любовь, но он не любит страстных эмоций. И если почувствует в тебе собственницу, то сразу же отойдет в сторону.

– А ты прекрасно знаешь Родди, – с чувством заметила Элинор.

– Если он любит тебя чуть больше, чем ты его, – заключила миссис Уэлман, – что ж, это даже к лучшему.

– Из колонки «Советы тетушки Агаты», – резко произнесла Элинор. – «Заставьте вашего милого друга сомневаться. Не позволяйте ему быть слишком уверенным в себе».

– Ты несчастлива, дитя, – вдруг вырвалось у миссис Уэлман. – Что-то не так?

– Нет, всё в порядке.

– Ты считаешь меня несправедливой? Моя дорогая, ты молода и восприимчива. А жизнь, я боюсь, вообще штука несправедливая.

– Наверное, – согласилась Элинор с долей горечи.

– Дитя мое, ты действительно несчастна? – повторила свой вопрос миссис Уэлман. – Что случилось?

– Ничего. Абсолютно ничего. – Элинор встала и подошла к окну. – Тетя Лора, – она искоса глянула на больную, – скажите, только честно: вы считаете, что любовь может приносить счастье?

Лицо миссис Уэлман стало очень серьезным.

– Если в том смысле, о котором ты думаешь, Элинор, то, наверное, нет… Страстная любовь к другому человеческому существу всегда приносит больше горя, чем радости, но тем не менее такой опыт необходим. Тот, кто никогда не любил, никогда не жил.

Девушка согласно кивнула.

– Да… ты меня понимаешь… ты знаешь, как это бывает… – Она резко повернулась к тетке; в глазах у нее застыл вопрос: – Тетя Лора…

В этот момент дверь открылась, и в нее вошла рыжая сестра О’Брайен.

– Миссис Уэлман, пришел доктор Лорд, – радостно сообщила она.

III

Доктор Лорд был молодым человеком тридцати двух лет. Рыжеватые волосы и веснушчатое лицо, в некрасивости которого было даже что-то привлекательное; бросающийся в глаза квадратный подбородок; пронзительные глаза яркого светло-синего цвета.

– Доброе утро, миссис Уэлман, – поздоровался он.

– Доброе утро, доктор Лорд. А это моя племянница, мисс Карлайл.

На подвижном лице доктора Лорда появилось выражение неприкрытого восхищения.

– Здравствуйте, – произнес он, взяв протянутую руку Элинор в свою с такой осторожностью, словно боялся сломать ее.

– Элинор и мой племянник приехали, чтобы немножко взбодрить меня, – продолжила миссис Уэлман.

– Отлично! – воскликнул доктор Лорд. – Это как раз то, что вам нужно! Уверен, что это пойдет вам на пользу, миссис Уэлман.

Он все еще смотрел на Элинор с нескрываемым восторгом.

– Я бы хотела встретиться с вами, доктор Лорд, – сказала та, направляясь к двери, – перед тем, как вы уйдете.

– Д-да… да… конечно.

Девушка вышла, прикрыв за собой дверь. Доктор Лорд подошел к кровати, трепещущая сестра О’Брайен встала у него за спиной.

– Опять эти ваши обычные фокусы, доктор Лорд… – Миссис Уэлман подмигнула ему. – Пульс, давление, температура? Какие же вы все, доктора, мошенники!

– Ну что вы, миссис Уэлман, – подала голос сестра О’Брайен, – как можно говорить такие вещи доктору?

– Миссис Уэлман, сестра, видит меня насквозь! – сказал доктор Лорд, подмигнув в ответ. – Но вы же понимаете, миссис Уэлман, что я в любом случае должен выполнить положенный ритуал. Проблема в том, что я так и не научился правильно вести себя у постели пациента.

– Как раз с этим у вас всё в порядке. И вы это знаете – и гордитесь этим.

– Это ваши слова, – парировал Питер Лорд со смешком.

Он задал несколько рутинных вопросов и выслушал ответы своей пациентки. Затем, откинувшись на спинку кресла, улыбнулся ей.

– Ну что ж, все идет отлично.

– То есть через пару недель я буду свободно перемещаться по дому? – уточнила Лора Уэлман.

– Ну не так быстро…

– Вот именно. Вы мошенник и плут! Какая радость жить прикованной к кровати, чтобы за тобой ходили, как за младенцем…

– А какая вообще радость от жизни? – задал встречный вопрос доктор Лорд. – Вот где собака зарыта. Вам не приходилось читать о такой милой средневековой камере, в которой узник не мог ни стоять, ни сидеть, ни лежать?[8 - Автор имеет в виду камеру под Белой башней Тауэра со сторонами 1,2 м в высоту, длину и ширину.] Можно подумать, что любой, заключенный в нее, умрет через несколько недель. А вот и нет! Один узник прожил в этой железной клетке шестнадцать лет, а потом, когда его выпустили, дожил до глубокой старости.

– И в чем смысл этого рассказа, доктор? – спросила Лора Уэлман.

– А смысл в том, что человек инстинктивно желает жить во что бы то ни стало. И живет он вовсе не потому, что соглашается пожить. Те люди, про которых говорят: «Лучше б он умер», просто не хотят умирать! А некоторые люди, у которых, казалось бы, есть все для счастливой жизни, уходят из нее лишь потому, что у них отсутствует желание бороться!

– Продолжайте…

– А я уже все сказал. Вы относитесь к тем людям, кто действительно хочет жить, сколько бы вы ни пытались убедить меня в обратном. И если ваше тело хочет жить, то негоже вашему мозгу думать о чем-то другом.

– А как вам здесь у нас нравится? – неожиданно сменила тему миссис Уэлман.

– Вполне. – Питер Лорд улыбнулся.

– Но разве здесь не скучно такому молодому человеку, как вы? Вы разве не хотите развиваться в какой-то узкой области? Разве работа сельского врача не скучна?

Лорд покачал своей рыжеватой головой.

– Нет. Я люблю свою работу. Люблю, знаете ли, людей, люблю обычные болезни. И вовсе не хочу охотиться за бациллами какого-нибудь невразумительного недуга. Мне нравятся корь, ветряная оспа и им подобные. Нравится следить за тем, как на них реагируют человеческие организмы. И что-то менять в лечении в лучшую сторону. У меня только одна проблема – я начисто лишен всяких амбиций. И останусь здесь до тех пор, пока не отращу седые бакенбарды и люди не начнут говорить: «Конечно, этот доктор Лорд был здесь всегда. Неплохой старикан, но очень уж старомоден в своих методах; может быть, стоит позвать более молодого Имярек, такого продвинутого…».

– Гм, – сказала миссис Уэлман, – а вы, я вижу, уже всё тщательно продумали!

– Ну что ж, – сказал Питер Лорд, вставая, – мне, пожалуй, пора.

– Кажется, с вами хотела поговорить моя племянница, – напомнила пожилая леди. – Кстати, что вы можете о ней сказать?

Неожиданно лицо доктора Лорда стало пунцовым. Даже его брови покраснели.

– Я… э-э-э… она очень красивая, правда? И… по-моему… очень умна и все такое, как мне кажется.

Миссис Уэлман подумала про себя: «Как же он все-таки молод…» Вслух же сказала:

– Пора вам жениться.

IV

Родди бродил по саду. Он пересек широкую лужайку и по вымощенной дорожке прошел в обнесенный изгородью огород. Тот выглядел густо засаженным и хорошо ухоженным.

Родди размышлял над тем, будут ли они с Элинор когда-нибудь жить в Хантербери. Наверное, да… Сам он не отказался бы. Сельская жизнь ему нравилась. А вот насчет Элинор Родди не был так уверен. Может быть, ей захочется жить в Лондоне…

С Элинор никогда не знаешь, на чем стоишь. Она редко говорит, о чем думает и что чувствует. И это ему в ней нравится… Он ненавидел людей, которые вываливают на собеседника все свои мысли и чувства, будучи уверенными, что тебя очень интересует их внутренний мир. Сдержанные люди всегда намного интереснее.

Элинор с этой точки зрения просто идеальна, рассудительно решил он. Ничто в ней никогда не раздражало и не задевало его. На нее было одно удовольствие смотреть, она была остроумной собеседницей и самой очаровательной спутницей, которую только можно себе представить.

«И вообще, мне повезло, что она у меня есть, – самодовольно подумал Родди. – И что она могла найти в таком, как я?»

Потому что, несмотря на всю свою привередливость, Родерик Уэлман никогда не был о себе слишком высокого мнения. И искренне не мог понять, почему Элинор вдруг согласилась выйти за него замуж.

Впереди у него была достаточно приятная жизнь. Родди хорошо представлял себе, что ждет его впереди, и считал это подарком судьбы. Он был уверен, что они с Элинор скоро поженятся – то есть если Элинор согласится, а то вдруг она захочет отложить свадьбу… Но торопить ее не стоит.

Сначала им будет непросто, но беспокоиться не о чем. Родди искренне надеялся, что тетя Лора еще поживет. Она просто прелесть и всегда хорошо к нему относилась – приглашала на каникулы и не забывала поинтересоваться, чем он сейчас занят…

Его сознание отказалось воспринимать мысль о ее скорой смерти (оно вообще не усваивало мысли о каких-то конкретных проблемах). Родди не любил представлять себе неприятные вещи слишком наглядно… Но… э-э-э… в конечном счете жить здесь будет очень приятно, особенно когда у них будет много денег, чтобы содержать это место в надлежащем состоянии. Его интересовало, как тетя разделит наследство. Хотя, в сущности, это не важно. Для некоторых женщин вопрос, у кого деньги – у жены или мужа, – очень важен, но Элинор не такая. Она человек тактичный и не настолько любит деньги, чтобы беспокоиться по этому поводу.

«Нет, беспокоиться мне не о чем – что бы ни случилось», – подумал Родди.

Он прошел через ворота в дальнем конце огорода и бесцельно направился в рощу, в которой весной цвели нарциссы. Сейчас они, конечно, давно отцвели. Но в тех местах, где на нее падали лучи солнца, зелень была очаровательна.

Вдруг на мгновение Родди почувствовал какое-то странное беспокойство, которое никак не вязалось с его безмятежным состоянием.

«Здесь что-то… чего-то мне здесь не хватает… я бы хотел… мне нужно… нужно…»

Зелень, купающаяся в золотых лучах солнца, нежность, разлитая в воздухе, – все это заставляло сердце биться быстрее, веселило кровь, вселяло смутную надежду.

Из-за деревьев навстречу ему вышла девушка – у нее были блестящие светлые волосы и тронутая румянцем кожа.

«Как она прекрасна, – подумал Родди. – Какая совершенная красота…»

Что-то обрушилось на него – он стоял неподвижно, будто превратился в соляной столб. И чувствовал, как мир вокруг кружится, переворачивается вверх дном – и неожиданно и восхитительно сходит с ума!

Девушка внезапно остановилась, а потом продолжила движение. И подошла к тому месту, где с открытым ртом стоял совершенно ошалевший Родди.

– Вы меня не помните, мистер Родерик? – нерешительно спросила она. – Конечно, ведь прошло столько времени… Я – Мэри Джеррард из сторожки.

– Так, значит, вы и есть та самая Мэри Джеррард? – не поверил Родди.

– Да, – сказала она и застенчиво добавила: – Конечно, с тех пор, как вы видели меня в последний раз, я здорово изменилась.

– Да, изменились. Я вас ни за что не узнал бы.

Родди не отрываясь смотрел на нее. Он не услышал шаги у себя за спиной. А Мэри услышала и повернулась на их звук.

Несколько мгновений Элинор стояла молча, а потом сказала:

– Привет, Мэри.

– Здравствуйте, мисс Элинор. Я так рада вас видеть… Миссис Уэлман все никак не могла дождаться, когда же вы приедете.

– Да, времени прошло много. Я… сестра О’Брайен попросила меня найти тебя. Она хочет поднять миссис Уэлман, но сказала, что обычно вы делаете это вместе.

– Уже иду, – сказала Мэри.

И она заспешила в сторону дома, быстро перейдя на бег. Элинор смотрела ей вслед. Бежала Мэри красиво – в каждом ее движении чувствовалась грация.

– Аталанта…[9 - Аталанта – персонаж древнегреческой мифологии; отважная охотница, непобедимая в беге.] – негромко сказал Родди.

На это Элинор ничего не сказала. Пару минут она стояла неподвижно, а потом произнесла:

– Время ланча. Нам пора.

И они вместе направились к дому.

V

– Да ладно тебе, Мэри. Это же Гарбо[10 - Грета Гарбо (ур. Грета Ловиса Густафссон; 1905–1990) – шведская и американская актриса; признана одной из величайших звезд кино всех времен.], и фильм классный – про Париж… По роману крутого автора. По нему еще опера была…

– Это очень мило с твоей стороны, Тед, но я не смогу.

– Что-то я перестал понимать тебя, Мэри, – сердито произнес Тед Бигланд. – Ты изменилась. Стала какая-то другая…

– Нет, Тед, ты не прав.

– Нет, прав! Мне кажется, это все от того, что ты ходила в эту дорогущую школу и ездила в Германию. И теперь ты слишком хороша для нас.

– Это неправда, Тед. Я вовсе не такая, – решительно защищалась Мэри.

Молодой человек, сильный и крепкий, смотрел на нее с восторгом, несмотря на свой гнев.

– Нет, такая… Ты стала почти леди, Мэри.

– А почти не считается, правда? – В голосе Мэри прозвучали горькие нотки.

– Наверное, да, – ответил Тед, неожиданно соглашаясь с ней.

– В любом случае кого в наши дни волнуют такие вещи? – быстро продолжила Мэри. – Леди, джентльмены и все такое…

– Ну сейчас это, наверное, не так важно, как раньше, – задумчиво произнес Тед. – Но все равно впечатления-то никуда не делись… Боже, Мэри, ты же выглядишь, как герцогиня, или графиня, или кто там еще…

– Это ни о чем не говорит, – ответила Мэри. – Я видала графинь, похожих на старух в лохмотьях.

– Но ты меня поняла.

Рядом с ними неожиданно возникла величественная фигура соответствующих пропорций, красиво затянутая во все черное. Женщина подозрительно осмотрела молодых людей. Тед отступил на несколько шагов.

– День добрый, миссис Бишоп, – поздоровался он.

Та величественно склонила голову.

– Добрый, Тед Бигланд. Добрый день, Мэри. – И проследовала дальше, как корабль под парусами.

Тед с уважением посмотрел ей вслед.

– Вот она-то действительно похожа на герцогиню, – прошептала Мэри.

– Да, у нее есть эта манера… Когда я ее вижу, меня всегда бросает в жар.

– Она меня не любит, – медленно сказала Мэри.

– Глупости, девочка моя.

– Нет, это правда. Не любит. Все время делает мне замечания.

– Это все зависть. – Тед со знанием дела покивал. – И больше ничего.

– А может быть, это потому… – неуверенно начала Мэри.

– Именно поэтому, и не сомневайся. Многие годы она была в Хантербери домоправительницей – задавала здесь тон и гоняла всех в хвост и в гриву, а теперь старая миссис Уэлман полюбила тебя, и она оказалась не у дел. Вот и всё.

– Понимаешь, это, конечно, глупо, – Мэри нахмурила лоб, – но я совершенно не выношу, когда меня кто-то не любит. Я хочу, чтобы меня любили все.

– Но ведь наверняка существуют женщины, которые тебя терпеть не могут, Мэри! Завистливые кошки, которые думают, что ты слишком хорошо выглядишь…

– Зависть – жуткое чувство, – заметила Мэри.

– Может быть, но она же реально существует. Послушай, я на прошлой неделе смотрел в «Алледоре» классный фильм с Кларком Гейблом[11 - Уильям Кларк Гейбл (1901–1960) – американский актер и секс-символ 1930–1940-х гг., носивший прозвище Король Голливуда. Признан одной из величайших звезд кино всех времен.]. Про одного миллионера, который совсем перестал обращать внимание на жену. Ну вот, а она притворилась, что наставила ему рога. И там был этот парень…

Мэри отошла от него.

– Прости, Тед. Мне пора. Я уже опаздываю.

– А ты куда?

– К сестре Хопкинс на чай.

– Странные у тебя вкусы. – Тед состроил гримасу. – Эта женщина – самая большая сплетница в деревне! Вечно везде сует свой длинный нос…

– Она всегда была очень добра ко мне, – возразила Мэри.

– Да я и не хочу сказать про нее ничего такого. Просто она много болтает.

– До свиданья, Тед, – попрощалась Мэри и быстро пошла прочь, оставив его раздраженно наблюдать за тем, как она уходит.

VI

Сестра Хопкинс жила в небольшом коттедже в самом конце деревни. Она сама только что пришла и как раз развязывала ленты шляпки, когда появилась Мэри.

– А, вот и вы… Я немного опоздала. Старой миссис Калдекотт опять было плохо, и я задержалась с перевязками. Это не Тед Бигланд стоял сейчас в конце улицы?

– Да… – уныло ответила Мэри.

Сестра Хопкинс подозрительно посмотрела на нее с того места, где, нагнувшись, зажигала огонь под чайником. Кончик ее длинного носа вздрогнул.

– И он что-то сказал вам, дорогая?

– Нет, просто пригласил в кино.

– Понятно, – быстро среагировала сестра Хопкинс. – Ну конечно, он милый молодой человек, и дела в гараже у него идут неплохо, да и отец его вполне успешен, не то что большинство местных фермеров… Но все равно, дорогая, мне кажется, вы совсем не подходите на роль жены Теда Бигланда. Не с вашим образованием и так далее. Как я уже говорила, когда наступит время, я на вашем месте занялась бы массажем. И деньги заработаете, и людей посмотрите, да и временем своим сможете распоряжаться по своему усмотрению.

– Я подумаю, – пообещала Мэри. – Пару дней назад со мной разговаривала миссис Уэлман. И была со мной очень мила. Все было в точности как вы сказали. Она не хочет, чтобы я именно сейчас покинула ее. Сказала, что будет по мне тосковать. А еще сказала, чтобы я не беспокоилась о будущем, она мне поможет.

– Будем надеяться, что она где-то запишет это свое намерение, – с сомнением сказала сестра Хопкинс. – Больные иногда говорят странные вещи…

– А как вы думаете, – спросила Мэри, – миссис Бишоп действительно меня не любит или это только мое воображение?

Сестра Хопкинс на минуту задумалась.

– Надо признаться, что у нее все время недовольный вид. Она одна из тех, кто не любит, когда молодежь веселится или когда кто-то делает для молодежи что-то хорошее. Возможно, ей кажется, что миссис Уэлман слишком хорошо к вам относится, и она обижается на это.

Сестра вдруг весело рассмеялась.

– Но на вашем месте, дорогая Мэри, я бы не беспокоилась. Откройте, пожалуйста, вот этот бумажный пакет; там должна быть пара пончиков.

Глава 3

I

Вчера ночью у вашей тети случился второй удар. Причин для беспокойства нет, но я посоветовал бы вам приехать, если это возможно. Лорд.

II

Получив эту телеграмму, Элинор сразу же позвонила Родди, и теперь они сидели в поезде, направлявшемся в Хантербери.

За неделю, прошедшую с их последнего визита, Элинор практически не видела Родди. Встречались они всего два раза, да и то ненадолго, и между ними чувствовалось какое-то напряжение. Родди прислал ей цветы – роскошный букет роз на длинных стеблях. Для него это было очень необычно. А во время совместного обеда он казался более внимательным, чем обычно, интересовался тем, что она будет есть и пить, и как-то необычайно старательно помогал ей снять и надеть пальто. Элинор все это показалось немного наигранным – как будто он исполнял роль внимательного жениха…

Именно тогда она сказала сама себе: «Не будь идиоткой. Все хорошо. Ты сама все это придумываешь! Это все твоя чертова собственническая натура, которая вечно всем недовольна».

Но она стала относиться к нему немного более отстраненно, более индифферентно, чем обычно.

И вот теперь, когда возникли эти непредвиденные обстоятельства, напряжение исчезло, и они вполне обычно и естественно общались друг с другом.

– Бедная старушка, – заметил Родди. – Она так хорошо держалась, когда мы видели ее несколько дней назад…

– Мне ее ужасно жаль, – сказала Элинор. – Я же знаю, как тетя ненавидит болеть, а теперь она станет еще более беспомощна – и будет ненавидеть себя из-за этого… Знаешь, Родди, в таких случаях начинаешь думать, что люди должны иметь возможность добровольно уйти из жизни – если они действительно этого хотят.

– Согласен. Это вполне цивилизованный подход. Мы же облегчаем боль животных. Но, мне кажется, с людьми это не делается просто потому, что люди – это люди, так что они могут начать умирать из-за денег и не без помощи своих родственников, хотя, может быть, в их смерти и не будет такой уж нужды…

– Да, конечно, все это будет в руках врача, – задумчиво согласилась Элинор.

– А врач может оказаться негодяем.

– Но такому врачу, как доктор Лорд, доверять можно.

– Да, – небрежно заметил Родди, – он выглядит честным малым. Приятный парень.

III

Доктор Лорд стоял, склонившись над кроватью. За его спиной переминалась с ноги на ногу сестра О’Брайен. Нахмурившись, он пытался разобрать нечленораздельные звуки, которые издавала его пациентка.

– Да, да, – сказал врач. – Только не надо так волноваться. И не торопитесь. Если вы хотите сказать «да», то приподнимите слегка вашу правую руку. Так вас что-то беспокоит?

Последовал утвердительный жест рукой.

– Что-то срочное? Так… Вы хотите, чтобы мы что-то сделали? Послали за кем-то? За мисс Карлайл? И за мистером Уэлманом? Они уже едут.

И опять миссис Уэлман попыталась что-то сказать. Доктор Лорд прислушался.

– Вы хотите, чтобы они приехали, но дело не в них? Вы думаете о ком-то еще? О родственнике? Какое-то дело? Понятно… Это как-то связано с деньгами? Стряпчий? Я угадал, правильно? Вы хотите видеть своего стряпчего? Хотите дать ему какие-то инструкции?.. Тише, тише. Не волнуйтесь так. У вас масса времени. Что вы сказали – Элинор? – Он смог разобрать искаженное имя. – Она знает этого стряпчего? И организует с ним встречу? Отлично. Она будет здесь минут через тридцать. Я передам ей, и мы вместе всё устроим. Так что не беспокойтесь. Положитесь на меня. Я прослежу, чтобы все было так, как вы этого хотите.

Мгновение врач стоял, наблюдая, как она успокаивается, а потом тихо вышел из комнаты на лестничную площадку. Сестра О’Брайен вышла вслед за ним. Сестра Хопкинс как раз поднималась по ступенькам. Доктор кивнул ей.

– Добрый вечер, доктор, – сказала Хопкинс, запыхавшись.

– Добрый вечер, сестра.

Все вместе они прошли в комнату сестры О’Брайен, расположенную в соседнем помещении, где он проинструктировал их. Сестра Хопкинс оставалась на ночь и должна была помочь сестре О’Брайен.

– Завтра я пришлю еще одну сестру. Эта эпидемия дифтерии в Стэмфорде совсем не ко времени. Из-за нее у нас даже в домах для престарелых не хватает персонала.

Закончив свои наставления, которые были выслушаны с благоговейным вниманием (это его приятно порадовало), доктор Лорд спустился вниз, чтобы встретить племянницу и племянника. Судя по часам, они могли подъехать в любую минуту.

В холле он столкнулся с Мэри Джеррард. Она была бледна и взволнованна.

– Ей не лучше? – спросила девушка.

– Я могу гарантировать ей спокойную ночь, – ответил доктор Лорд, – но большего обещать не могу.

– Все это кажется таким жестоким… таким несправедливым… – сказала Мэри убитым голосом.

Врач с сочувствием кивнул ей.

– Да, иногда так случается. Уверен… – Тут он замолчал. – Машина.

Лорд прошел к входу, а Мэри поднялась наверх.

– Что, очень плохо? – воскликнула Элинор, не успев войти в гостиную.

Родди был бледен и выглядел встревоженным.

– Боюсь, что вы будете шокированы, – произнес доктор серьезным голосом. – Она сильно парализована. Ее речь практически невозможно разобрать. Кстати, ее определенно что-то беспокоит. Это как-то связано с ее стряпчим. Вы его знаете, мисс Карлайл?

– Мистер Седдон с Блумсбери-сквер, – быстро ответила Элинор. – Но его наверняка нет в офисе в столь поздний час, а его домашний адрес я не знаю.

– Завтра у нас будет масса времени. – Голос врача звучал успокаивающе. – Но я хотел бы, чтобы миссис Уэлман как можно скорее перестала волноваться. Если вы сейчас подниметесь к ней вместе со мной, мисс Карлайл, то, я думаю, мы сможем ее успокоить.

– Конечно. Пойдемте немедленно.

– А мне идти не обязательно? – с надеждой в голосе спросил Родди.

Ему был немного стыдно за себя, но он ощущал ужас от одной мысли о том, что ему придется подняться наверх, войти в комнату больного человека и увидеть там беспомощную и мычащую что-то тетю Лору.

Доктор Лорд быстро успокоил его:

– Нет, вы нам совсем не нужны, мистер Уэлман. Даже лучше, если в комнате будет поменьше людей.

Родди не смог скрыть своего облегчения.

Доктор Лорд и Элинор поднялись наверх. С пациенткой сидела сестра О’Брайен.

Казалось, что Лора Уэлман, дышащая тяжело и прерывисто, находится в каком-то ступоре. Элинор смотрела на нее, шокированная видом ее измученного, искаженного лица.

Неожиданно правое веко миссис Уэлман дрогнуло и открылось. Выражение ее лица слегка изменилось, когда она узнала Элинор.

Больная попыталась заговорить:

– Элинор… – Этот набор звуков показался бы бессмысленным любому, кто не смог бы догадаться, что хочет сказать несчастная женщина.

– Я здесь, тетя Лора, – быстро ответила Элинор. – Тебя что-то беспокоит? Ты хочешь, чтобы я послала за мистером Седдоном?

Вновь послышались хриплые, невразумительные звуки.

– Мэри Джеррард? – догадалась Элинор.

Дрожащая правая рука подтвердила ее догадку.

Несчастная женщина издала длинный булькающий звук. Доктор Лорд и Элинор беспомощно нахмурились. Звук повторялся вновь и вновь. Наконец Элинор удалось разобрать слово.

– Обеспечить? Ты хочешь обеспечить ее в своем завещании? Ты хочешь оставить ей деньги? Я поняла, тетя Лора. Это очень просто. Завтра придет мистер Седдон, и все будет сделано в точности, как ты этого хочешь.

Казалось, что несчастная успокоилась. Страдание исчезло из единственного открытого глаза. Элинор взяла руку тети в свои и почувствовала немощное давление ее пальцев.

– Ты… всё… ты… – с огромным трудом смогла произнести больная.

– Да, да, положись на меня, – сказала Элинор. – Я прослежу, чтобы все было сделано.

И опять она почувствовала давление пальцев. Потом рука больной расслабилась. Веко поникло и закрылось.

Взяв Элинор за руку, доктор Лорд осторожно вывел ее из комнаты. Сестра О’Брайен вернулась на свое место у постели.

Снаружи, на лестничной площадке, Мэри Джеррард разговаривала с сестрой Хопкинс. Она сделала шаг вперед.

– Доктор Лорд, умоляю вас, можно мне пройти к ней?

Доктор кивнул.

– Только ведите себя тихо и не волнуйте ее.

Мэри прошла к больной.

– Ваш поезд опоздал, – заметил доктор Лорд. – Вы… – Он умолк.

Элинор смотрела вслед Мэри. Неожиданно она поняла, что доктор замолчал. Повернувшись, вопросительно посмотрела на него. Он, потрясенный, не мог отвести от нее глаз. Элинор покраснела.

– Прошу прощения, – быстро сказала она, – вы что-то хотели сказать?

– А что я хотел сказать? – медленно произнес доктор Лорд. – Не помню… Мисс Карлайл, у постели больной вы вели себя потрясающе. – Голос его был полон теплоты. – Понимающе, успокаивающе – большего от вас невозможно было требовать…

Сестра Хопкинс едва слышно фыркнула.

– Бедняжка, – сказала Элинор, – я просто не могу видеть ее такой.

– Ну конечно. Но вы здорово держались. Вы прекрасно владеете собой.

– Я научилась… не выставлять свои чувства напоказ, – ответила Элинор, сжав губы в тонкую полоску.

– Но ведь маска рано или поздно спадает, – медленно заметил врач.

Сестра Хопкинс заторопилась в ванную.

– Маска? – переспросила Элинор, приподняв свои изящные брови и не отрываясь глядя на него.

– Ведь человеческое лицо, в сущности – это та же маска, – пояснил Лорд.

– А что под ней?

– А под ней все то же примитивное человеческое существо – мужчина или женщина.

Элинор быстро отвернулась и стала спускаться по лестнице. Питер Лорд последовал за ней, озадаченный и непривычно серьезный. Родди вышел в холл им навстречу.

– Ну? – взволнованно спросил он.

– Бедняжка, – ответила Элинор. – Было так грустно видеть ее… Я бы на твоем месте, Родди, не ходила к ней, пока… пока… она не позовет.

– И что же ей было надо от тебя? – поинтересовался Родди.

– Мне нужно идти, – обратился Питер к Элинор. – Больше на данный момент я ничего сделать не могу. Загляну завтра, с утра пораньше. Всего хорошего, мисс Карлайл. И… не стоит слишком волноваться.

На мгновение он задержал ее руку в своей. У него было удивительно уверенное и успокаивающее рукопожатие. Элинор показалось, что Лорд довольно странно посмотрел на нее, будто… будто испытывал к ней жалость.

Когда дверь за врачом закрылась, Родди повторил свой вопрос.

– Тетю Лору беспокоят… беспокоят некоторые деловые вопросы, – ответила Элинор. – Мне удалось ее успокоить – я сказала, что завтра здесь обязательно появится мистер Седдон. Утром надо будет первым делом позвонить ему.

– Она что, хочет сделать новое завещание?

– Она этого не говорила.

– А что же тогда… – Родди остановился, не закончив свой вопрос.

По ступенькам сбегала Мэри Джеррард. Она пересекла холл и исчезла за дверями кухни.

– И?.. – Голос Элинор звучал хрипло. – О чем ты хотел спросить?

– Я – спросить? Я уже забыл, – туманно ответил Родди.

Он не отрываясь смотрел на дверь, за которой исчезла Мэри.

Элинор, сжав кулаки, почувствовала, как ее длинные наманикюренные ногти впиваются в ладони.

«Я этого не вынесу… не вынесу, – подумала она. – Это вовсе не мое воображение… это правда… Родди, Родди, я не могу тебя потерять…»

«А что этот человек, – пришла ей в голову новая мысль, – этот доктор – что такого он увидел в моем лице там, наверху? А ведь он что-то увидел… Боже, как же ужасна эта жизнь, как ужасно чувствовать то, что я ощущаю в данный момент… Ну скажи же хоть что-то, дура. Возьми себя в руки».

И Элинор произнесла вслух совершенно спокойным голосом:

– Насчет еды, Родди. Я не очень голодна. Посижу с тетей Лорой, а сестры смогут спуститься вниз.

– Они что, будут обедать со мной? – с тревогой спросил Родди.

– Но они же тебя не укусят, – холодно ответила Элинор.

– А ты как же? Ты обязательно должна что-то съесть. Почему бы нам не пообедать первыми, а потом уж пусть спускаются они?

– Нет, наоборот будет лучше, – решила Элинор. И неожиданно добавила: – Они все из себя такие трепетные…

«Я не смогу выдержать с ним за столом… – подумала она. – Разговаривать и вести себя как обычно…» Вслух же нетерпеливо произнесла:

– Послушай, позволь мне все сделать по-своему.

Глава 4

I

На следующее утро Элинор разбудила не просто горничная – ее подняла с постели сама миссис Бишоп, одетая, как всегда, в старомодный черный цвет и плачущая навзрыд.

– Мисс Элинор, она покинула нас…

– Что? – Элинор села в кровати.

– Ваша дорогая тетушка. Миссис Уэлман. Моя любимая хозяйка. Она отошла во сне.

– Тетя Лора? Она умерла? – Еще не веря, Элинор не отрывала глаз от домоправительницы. Это не укладывалось у нее в голове.

Теперь миссис Бишоп просто-таки рыдала.

– Только подумать… – всхлипывала она. – После всех этих лет! Я ведь проработала здесь восемнадцать лет… Время пролетело совершенно незаметно…

– Так, значит, – медленно сказала Элинор, – тетя Лора мирно отошла во сне? Какое это счастье для нее!

Миссис Бишоп всхлипнула.

– Все это так неожиданно… Вот и доктор Лорд сказал, что зайдет с утра, и все было как обычно…

– Ну неожиданным это сложно назвать, – резко возразила Элинор. – Ведь она уже давно была больна. Я лишь благодарю Бога, что он освободил ее от дальнейших страданий.

Со слезами в голосе миссис Бишоп согласилась, что за это стоит благодарить.

– Кто сообщит мистеру Родерику? – добавила она.

– Я, – ответила Элинор.

Накинув халат, она прошла по коридору и постучала в дверь.

– Войдите, – раздался его голос.

Она вошла.

– Родди, тетя Лора умерла. Во сне.

Родди сел на кровати и печально вздохнул.

– Бедная тетя Лора! Но я бы сказал: «Спасибо тебе, Господи!» – ибо не смог бы смотреть, как она мучается в том состоянии, в котором пребывала вчера.

– А я и не знала, что ты ее видел, – механически заметила Элинор.

– Дело в том, Элинор, – стыдливо признался Родди, – что я почувствовал себя настоящим трусом, когда испугался подняться к ней. Поэтому вечером сходил к ней один. Эта сестра, которая толстая, вышла зачем-то из комнаты – она прошла мимо меня с грелкой, кажется, – и я проскользнул внутрь. Конечно, тетя так и не поняла, кто к ней пришел. Я же просто стоял и смотрел на нее. А потом услышал, как миссис Толстуха взбирается по лестнице, и выскользнул назад. Но все это… все это было просто ужасно!

– Да. – Элинор согласно кивнула.

– Она ненавидела каждое мгновение такого своего существования, – заметил Родди.

– Знаю.

– Классно, что мы с тобой всегда всё видим одинаково.

– Действительно, классно, – совсем тихо сказала девушка.

– И чувствуем себя сейчас абсолютно одинаково: мы оба благодарны Богу, что для нее все закончилось…

II

– В чем дело, сестра? – спросила сестра О’Брайен. – Вы что-то потеряли?

Сестра Хопкинс, с раскрасневшимся лицом, копалась в небольшом чемоданчике, который еще с вечера оставила в холле.

– Ничего не понимаю! – проворчала она. – Как я это сделала – не представляю!

– А что случилось?

– Все эта Элиза Рикин, – ответила сестра Хопкинс не совсем вразумительно, – та, что с саркомой. Ей надо давать морфин два раза в сутки – утром и вечером. Вчера вечером, по пути сюда, я сделала ей последнюю инъекцию из старой трубочки и была готова поклясться, что новая лежит у меня здесь.

– Посмотрите еще раз. Эти трубочки такие маленькие…

Сестра Хопкинс в последний раз просмотрела содержимое чемоданчика.

– Нет, здесь ничего нет… Наверное, я все-таки забыла ее в шкафу. Честное слово, я была более высокого мнения о своей памяти. Была готова поклясться, что взяла ее с собой!

– А вы нигде не оставляли чемоданчик по пути сюда?

– Естественно, нет, – нервно ответила сестра Хопкинс.

– Ну тогда, дорогая, все будет в порядке, – утешила ее сестра О’Брайен.

– Ну конечно! Чемоданчик был здесь, а в доме никто ничего из него не возьмет… Наверное, память слабеет, вот и всё. Но меня это раздражает, сестра, если вы меня понимаете. А кроме того, мне теперь придется идти на другой конец деревни, а потом возвращаться назад.

– Надеюсь, дорогая, что день будет полегче по сравнению с прошлой ночью, – заметила сестра О’Брайен. – Бедная старушка… Я и не надеялась, что она долго протянет.

– Я тоже. А вот для доктора это будет сюрприз.

– Он всегда так надеется… – сказала сестра О’Брайен с ноткой осуждения в голосе.

– Ну он еще молод! – сказала сестра Хопкинс, готовясь уйти. – У него нет нашего опыта.

И, сделав это мрачное заявление, она удалилась.

III

Доктор Лорд встал на цыпочки. Его светлые брови поползли на лоб и чуть не слились с линией волос.

– Так она что, все-таки умерла? – спросил он, не поверив собственным ушам.

– Да, доктор.

У сестры О’Брайен вертелись на кончике языка подробности произошедшего, но, подчиняясь строгой дисциплине, она молчала.

– Умерла… – задумчиво повторил Питер Лорд.

Несколько мгновений он стоял задумавшись, а потом резко приказал:

– Немедленно принесите мне кипяток.

Эта просьба удивила и заинтриговала сестру О’Брайен, но, будучи верной строгим правилам своей профессии, она не стала задавать вопросов. Если б доктор велел ей принести шкуру аллигатора, она автоматически ответила бы ему: «Да, доктор» и послушно отправилась бы выполнять приказ.

IV

– Вы хотите сказать, что моя тетка умерла, не оставив завещания? – уточнил Родерик Уэлман. – То есть вообще никакого?

– Похоже, что это именно так, – ответил мистер Седдон, полируя стекла своих очков.

– Совершенно невероятно! – вырвалось у Родди.

Мистер Седдон неодобрительно кашлянул.

– Не так уж невероятно, как вы думаете. Такое случается чаще, чем вы можете себе представить. У людей существует некий предрассудок по отношению к составлению завещания. Они думают, что у них еще есть масса времени на это. И что сам факт его составления приблизит возможную дату смерти. Это может показаться вам странным, но такова жизнь!

– А вы никогда… э-э-э… не старались образумить ее на этот счет? – поинтересовался Родди.

– И очень часто, – сухо ответил мистер Седдон.

– И что она на это говорила?

– Обычные вещи. – Стряпчий вздохнул. – Что у нее еще масса времени. Что она еще не собирается умирать. Что пока окончательно не решила, как распорядиться своими деньгами.

– Но ведь после первого удара она наверняка… – вмешалась в разговор Элинор.

– Нет, стало только хуже, – покачал головой мистер Седдон. – Она вообще не хотела об этом слышать!

– А вам не кажется это довольно странным? – спросил Родди.

– Да нет. Совершенно естественно, что болезнь сделала ее очень нервной.

– Но она ведь хотела умереть… – В голосе Элинор слышалось недоумение.

Продолжая полировать стекла очком, стряпчий ответил:

– Моя дорогая мисс Элинор, человеческий мозг – это очень специфический механизм. Возможно, миссис Уэлман думала, что хочет умереть, но наряду с этими мыслями надеялась, что скоро будет абсолютно здорова… Именно поэтому, как мне кажется, она полагала, что составление завещания принесет ей несчастье. И дело не в том, что она категорически не хотела этого делать, а в том, что постоянно это откладывала. Вы же сами знаете, – неожиданно мистер Седдон обратился прямо к Родди, – как человек может избегать или откладывать неприятные вещи – те, с которыми не хочет сталкиваться?

Покраснев, тот пробормотал:

– Я… да, конечно. Я вас понимаю.

– Вот именно, – продолжил стряпчий. – Миссис Уэлман всегда хотела написать завещание, но считала, что сделать это будет лучше завтра, чем сегодня. Она постоянно повторяла себе, что впереди у нее еще очень много времени.

– Так вот почему она была так взволнована вчера вечером, – медленно произнесла Элинор. – Вот откуда эта паника и требование немедленно послать за вами…

– Бесспорно, – согласился мистер Седдон.

– Ну и что же будет теперь? – спросил Родди в замешательстве.

– Вы имеете в виду имущество миссис Уэлман? – Стряпчий покашлял. – Так как миссис Уэлман скончалась, не оставив завещания, все ее имущество отойдет ближайшему родственнику – то есть мисс Элинор Карлайл.

– Всё – мне? – переспросила Элинор.

– Корона, конечно, заберет свой процент, – пояснил мистер Седдон и углубился в детали. Наконец подытожил: – И, поскольку имущество ничем не обременено и не входит ни в какие трасты, миссис Уэлман могла обращаться с ним по своему усмотрению. А поэтому оно переходит прямо к мисс Карлайл… Э-э-э… боюсь, что налог на наследство будет немаленьким, но даже после его уплаты состояние будет очень значительным. Кроме того, оно хорошо вложено в надежные, первоклассные активы.

– Но Родерик… – начала было Элинор.

– Мистер Уэлман всего лишь племянник супруга миссис Уэлман, – сказал мистер Седдон извиняющимся тоном. – Он не состоял с ней в кровном родстве.

– Вот именно, – подтвердил Родди.

– Конечно, нам все равно, кто из нас его получит, – все так же медленно произнесла Элинор. – Ведь мы в любом случае собираемся пожениться. – При этом она старалась не смотреть на Родди.

Теперь настала очередь мистера Седдона говорить: «Вот именно», что он поспешно и сделал.

V

– Ведь это не имеет никакого значения, да? – задала вопрос Элинор.

В ее голосе звучала мольба. Мистер Седдон уже ушел.

Лицо Родди болезненно скривилось.

– Ты должна его получить, – сказал он. – Оно по праву принадлежит тебе. И, ради бога, Элинор, не думай, что я что-то затаил против тебя. Мне не нужны эти чертовы деньги!

Когда Элинор заговорила, ее голос слегка дрожал:

– Но мы же договорились, Родди, еще в Лондоне, что не имеет значения, кому они достанутся, потому что мы… собираемся стать мужем и женой?

Он ничего не ответил.

– Ты же помнишь, как сказал это, Родди? – настаивала Элинор.

– Да, – согласился молодой человек.

При этом он смотрел себе под ноги. У него было бледное, мрачное лицо, а в уголках чувственного рта залегли болезненные складки.

Элинор продолжила, гордо тряхнув головой:

– Это не имеет никакого значения… если мы поженимся… Но так ли это, Родди?

– Прости, что ты сказала?

– Мы собираемся пожениться?

– Как я понимаю, таков был план. – Произнес он это слегка нервно, но совершенно безразличным тоном. И продолжил: – Но, конечно, Элинор, если сейчас у тебя появились другие мысли…

– Родди, почему ты не хочешь ответить честно? – воскликнула Элинор.

Тот вздрогнул и заговорил негромким и неуверенным голосом:

– Я не знаю, что со мной произошло…

– А я знаю, – прервала его Элинор напряженным голосом.

– Может быть, ты и права, – быстро закончил Родди. – В конце концов, мне не очень нравится мысль о том, что я буду жить на деньги своей жены…

– Дело не в этом, – ответила побледневшая Элинор. – Есть еще кое-что… – Помолчав, она наконец решилась: – Это… это Мэри, я угадала?

– Наверное. А откуда ты знаешь? – пробормотал Родди несчастным голосом.

– Это было не так уж трудно. Каждый раз, когда ты на нее смотришь, это написано на твоей физиономии большими буквами… – На губах Элинор появилась кривая улыбка.

Внезапно его самообладанию пришел конец.

– Послушай, Элинор, я не знаю, что происходит! Мне кажется, я схожу с ума. Это случилось, когда я увидел ее в тот первый день… в лесу… Это ее лицо… оно… оно все во мне перевернуло. Ты не сможешь понять…

– Смогу. Продолжай, – ответила Элинор.

– Я не хотел влюбляться в нее, – беспомощно сказал Родди. – С тобой я был вполне счастлив… Элинор, какой же я негодяй, что все это тебе рассказываю…

– Глупости. Продолжай. Расскажи.

– Ты просто прелесть… – Родди был совершенно убит. – И этот разговор с тобой мне здорово помогает. Я тебя так люблю, Элинор! Поверь мне. А это… это какой-то морок! Он разрушил все: мою жизненную концепцию… возможность наслаждаться жизнью… и… и весь рациональный порядок обычных, простых вещей…

– В любви обычно бывает мало рационального, – нежно сказала Элинор.

– Верно, – согласился Родди несчастным голосом.

– А ты ей… что-нибудь говорил? – спросила Элинор дрогнувшим голосом.

– Сегодня утром, – ответил Родди. – Как идиот… совсем потерял голову…

– И?..

– Ну и она… она послала меня куда подальше. Была просто в шоке. И все из-за тети Лоры и из-за… тебя…

Элинор сняла с пальца бриллиантовое кольцо.

– Тебе лучше забрать его, Родди.

Он взял его и, не глядя на нее, пробормотал:

– Элинор, ты даже не представляешь, какой скотиной я себя ощущаю.

– Ты собираешься жениться на ней? – спокойным голосом поинтересовалась Элинор.

– Не знаю. Но если да – то не скоро… Мне кажется, сейчас она ко мне равнодушна, но, может быть, в будущем…

– Думаю, ты прав. Тебе надо дать ей время. Постарайся не видеться с ней какое-то время, а потом начни все сначала.

– Милая Элинор! Ты самый лучший на свете друг! – Родди неожиданно взял ее руку и поцеловал. – Знаешь, я все-таки люблю тебя. Так же сильно, как и раньше. Иногда Мэри кажется мне сном. Кажется, вот я проснусь, а ее никогда не было…

– Если Мэри не было…

– Иногда мне хочется, чтобы ее не было, – с чувством произнес Родди. – Ведь мы с тобой единое целое. Ведь правда?

Элинор медленно наклонила голову.

– Да, конечно, единое…

И подумала про себя: «Если б не было Мэри…»

Глава 5

I

– Прекрасные похороны, – с чувством произнесла сестра Хопкинс.

– Вы правы, – согласилась сестра О’Брайен. – А эти цветы! Вы когда-нибудь видели подобную красоту? Белые лилии, выложенные веером, и крест из желтых роз… Фантастика!

Сестра Хопкинс, вздохнув, откусила кусочек булочки с маслом. Сестры пили чай в кафе «Блю Тит».

– Мисс Карлайл – очень щедрая девушка, – продолжила сестра Хопкинс. – Сделала мне прекрасный подарок, хотя вовсе не обязана была это делать.

– Да, она щедрая девушка, – с теплым чувством согласилась сестра О’Брайен. – Я просто ненавижу скупость.

– Ну она ведь получила большое наследство, – заметила сестра Хопкинс.

– А мне вот интересно… – начала было сестра О’Брайен и вдруг замолчала.

– Что интересно? – подбодрила ее сестра Хопкинс.

– Странно, что старая леди не оставила никакого завещания.

– Это просто безнравственно, – резко ответила ей сестра Хопкинс. – Людей надо заставлять писать завещания! А иначе все это ведет ко всяким неприятностям.

– А я вот о чем думаю, – продолжила сестра О’Брайен. – Как бы она распорядилась деньгами, если б написала его?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

У. Шекспир «Двенадцатая ночь», пер. А. И. Кронеберга.

2

Такой суд занимается уголовными делами, которые передаются из магистратских судов, включая тяжкие уголовные преступления (например, предумышленные и непредумышленные убийства, изнасилования, грабежи).

3

Девушка-иностранка, живущая в семье с целью изучения языка (в качестве оплаты выполняет легкую работу по дому или присматривает за детьми).

4

Принцесса Греза, в значении «недостижимая принцесса».

5

«Татлер» – гламурный журнал о моде и светской жизни, основанный в Британии в 1901 г.

6

Ньюмаркет – рыночный город в Саффолке, в 105 км к северу от Лондона; приобрел известность благодаря скачкам, проводящимся здесь же, на одноименном ипподроме.

7

Имеется в виду колледж «Норленд Нэнниз», расположенный в английском городе Бат. Колледж был основан в 1892 г. Э. Уорд; является ведущим образовательным учреждением по подготовке VIP-персонала для ухода за ребенком.

8

Автор имеет в виду камеру под Белой башней Тауэра со сторонами 1,2 м в высоту, длину и ширину.

9

Аталанта – персонаж древнегреческой мифологии; отважная охотница, непобедимая в беге.

10

Грета Гарбо (ур. Грета Ловиса Густафссон; 1905–1990) – шведская и американская актриса; признана одной из величайших звезд кино всех времен.

11

Уильям Кларк Гейбл (1901–1960) – американский актер и секс-символ 1930–1940-х гг., носивший прозвище Король Голливуда. Признан одной из величайших звезд кино всех времен.

Купить: https://tellnovel.com/agata-kristi/pechalnyy-kiparis-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити